

Развитие монгольской теории поэзии в контексте индо-тибетской поэтической традиции

Е. Е. Балданмаксарова

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>, e-mail: liza.bur@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются генезис и развитие средневековой монгольской поэтической системы. Монгольская литература Средневековья развивалась в пределах центральноазиатского, индо-тибетского культурного ареала. Литературные связи и контакты получили особенное развитие с распространением буддизма, его философии. Начиная с XVII в. активно изучается древнеиндийская санскритская поэтика, переводятся трактаты по поэзии, в частности «Кавьядарша» Дандина, а также тибетский «дебжер»¹, в рамках которого изучались стилистика, метрика, система стихосложения. Все это способствовало становлению и развитию монгольской теории поэзии. Из среды монгольских ученых монахов вышло немало поэтов и писателей. Они были не только знакомы с лучшими образцами индийской и тибетской литератур, с принципами их поэтики, но и сами занимались разработкой теории литературы, писали научные комментарии к древнеиндийским эстетико-философским трудам, трактатам по теории стихосложения, создавали монгольскую теорию поэзии.

Ключевые слова: взаимодействия; индо-тибетский культурный ареал; литературные связи; монгольская теория поэзии; поэтическая традиция; средневековая монгольская литература

Для цитирования: Балданмаксарова Е. Е. Развитие монгольской теории поэзии в контексте индо-тибетской поэтической традиции. *Ориенталистика*. 2019;2(3):695–709. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-3-695-709.

¹ Дебжер – один из основных тибетских терминов, относящихся к поэтике – учению о словесном искусстве в целом. Согласно буддийской классификации, все науки делились на «пять больших» и «пять малых», девять из которых относились к светским наукам. Дебжер (sdebsbyor) как одна из светских наук должна быть отнесена к «малым наукам», в рамках ее изучались стилистика, метрика и другие параметры письменной словесности.

The development of Mongolian theory of poetry in the context of Indo-Tibetan poetic tradition

E. E. Baldanmaksarova

A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>, e-mail: liza.bur@mail.ru

Abstract: the article examines the genesis and development of the medieval Mongolian poetic system. Mongolian literature of the Middle Ages developed within the Central Asian, Indo-Tibetan cultural context. Literary relations and contacts became especially active with the emergence and subsequent spread of Buddhism and its philosophy. Since the 17th century Ancient Indian Sanskrit poetry becomes a subject of increased attention. Treatises on poetry becomes to be translated, in particular, “Kavyadarsha” by Dandin, as well as Tibetan “debers”. The latter became instrumental for teaching and learning poetical styles, metres and versification systems. All this contributed to the formation and development of the Mongolian theory of poetry. Many poets and writers came from among the Mongolian learned monks. These people were familiar with the best examples of Indian and Tibetan literature as well as with the principles according to which they were constructed (poetics). Moreover, they themselves were authors of original works, which comprised learned comments on ancient Indian writings on aesthetics, philosophy and poetry, in such a way contributing to the further development of the theory of literature and flourishing of Mongolian poetry.

Keywords: India, cultural area of; India, literature of, connections; Mongolia, literature, medieval, of; Mongolia, literature, theory of, Middle Ages; Tibet, cultural area of; Tibet, literature of, connections

For citation: Baldanmaksarova E. E. The development of Mongolian theory of poetry in the context of Indo-Tibetan poetic tradition. *Orientalistica*. 2019;2(3):695–709. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-3-695-709.

Введение

Становление поэтики средневековой монгольской литературы – явление сложное и малоизученное. Поэтическая мысль монгольских народов развивалась в рамках поэтологических учений соседних культур, в частности индийской (санскритской) и тибетской систем литературно-эстетических взглядов и норм. Монгольскую литературу (как и другие литературы Древнего и средневекового Востока) можно отнести к эйдетическому (традиционалистскому) типу словесного творчества, которое ориентируется на определенный канон жанров, мотивов, тем, сюжетов, образов, изобразительных средств и т.д. Соответственно, ее поэтика основана на традиции, эстетической норме литературного слова. Художественное слово ориентировано не на новое, оригинальное и индивидуально-личностное, а на традиционное, образцовое, канони-

ческое, повторяющееся из произведения в произведение. При этом структура художественного текста строится таким образом, чтобы она соответствовала «эстетике тождества» (Ю. М. Лотман), «требованиям литературного этикета» (Д. С. Лихачёв).

Литературные связи и контакты

Для литературного процесса Монголии начиная с древнейшего периода характерно развитие в контексте многосторонних литературных связей. Н. И. Конрад отмечал, что история восточной литературы дает материал для изучения самых разнообразных форм и границ литературных связей, для изучения последствий их в каждой отдельной литературе [1]. Сразу отметим, что монгольская письменная литература развивалась в пределах великого центральноазиатского культурного ареала – достаточно близко от его центра, которыми были Индия и Тибет, чтобы испытывать их подавляющее влияние.

Исследуя зарождение поэтики в средневековых литературах Востока, П. А. Гринцер отмечает, что «канон полифункционален, “религия” и “этика” не отделены в нем от “поэтики”, и более того, “поэтику” себе подчиняют, вычленение эстетического критерия, утверждения его самоценности было первейшей задачей литературного самосознания» [2, с. 4–5]. Далее он продолжает: «Во всех архаических традициях присутствовала идея сакрального слова. Классическая поэтика перенимает этот культ слова, но в ней слово постепенно утрачивает свой божественный и мифологический ореол и становится организующим и упорядочивающим началом. И не сакральная или космогоническая, а дидактическая и эстетическая функции слова реализуют себя в литературе, которая повсеместно начинает пониматься как искусство умело сложенной речи. Определяющей с точки зрения вычленения литературы как самостоятельного вида словесности оказывается в первую очередь эстетическая функция. Способные произвести впечатление словесное мастерство, необычность стиля рассматриваются во всех восточных поэтиках как коренное свойство художественной литературы» [2, с. 4–5].

Проблема поэтики монгольской литературы носит двуединый характер. Следуя С. С. Аверинцеву [3, с. 4], отметим, что один аспект проблемы – история и человек, второй ее аспект – человек и слово. Нет человека вне истории, но история реальна только в человеке, в его самоощущении внутри истории, его догадке о самом главном – о его месте во Вселенной.

Монгольская поэтика, ее основные категории обусловлены литературным самосознанием эпохи, которые подвижны, несмотря на кажущуюся неизменность и строгость. Однако известного рода разрыв между литературной теорией и поэтической практикой требует совершить

определенный экскурс в средневековую монгольскую письменную словесность.

XIII–XIV вв. занимают особое место в истории монгольской литературы. В течение этого периода происходит формирование и становление литературы средневекового типа. Становление жанровой системы – это характернейшая особенность раннемонгольского литературного развития. Роль жанра в этот период становится основополагающей, ибо авторское начало еще явно не выражено. Постепенно формируются литературные традиции, система жанров, стилистика. Большую роль в развитии литературного процесса этого и последующего периодов сыграло устное народное поэтическое творчество, которое расширило эстетические, художественные возможности литературы, оживило, внесло «особую стихию веселости» (М. Бахтин).

Монголо-китайские связи были сильны в эпоху Юаньской империи². В этот период в столице монгольской державы Юань – Ханбалгасуне, или по-китайски Дайду (современный Пекин), была основана Академия литературы для составления истории монголов. Там совместно работали литераторы и историки из Монголии, Китая, Тибета, Персии. Руководство осуществлялось монгольскими учеными. Например, под руководством монгольского ученого Тогто в традициях китайских династийных историй были написаны «История государства Ляо» (Ляо ши), «История государства Цзинь» (Цзинь ши) и «История государства Сунн» (Сун ши). Известно, что персидский ученый Рашид-ад-Дин при написании «Сборника летописей» привлекал к работе монгольских ученых, в частности, он упоминает имена шестерых из них. Материалами, собранными монгольскими учеными, активно пользовался другой персидский ученый Ата Малик Джувейни, работая над «Историей покорителя мира» (1253) в столице монгольской империи г. Каракоруме. К известным ученым того времени – историкам и литераторам – относятся Тогто, Чаган, Ариун, Эл-Тэмур, Бул-Тэмур, Сая, Доро, Худа, Алин-Тэмур и др., прекрасно владевшие китайским, уйгурским, тибетским и другими языками (см. об этом: [4, с. 157–158 и далее]). В этот период было создано особенно много словарей: Монголо-персидский словарь (1245), Монголо-арабский словарь (1247), Уйгуро-монгольский словарь (1280), большой Китайско-монгольский словарь (XIV в.), что, безусловно, было связано с бурным развитием переводной литературы.

В XIII–XIV вв., помимо историко-литературного памятника «Сокровенное сказание монголов», были написаны «Золотая книга»,

² Империя Юань (1271–1368) – Великое Монгольское государство (Их Монгол Улс) со столицей на территории современного Пекина (1271–1368). Если считать со времени свержения династии Цзинь (1234) и до падения империи Юань в 1368 г., то монголы правили в Китае более 130 лет.

«Описание личных походов священно-воинственного (Чингисхана)», «Белая история» и др. В ранних литературных произведениях, берущих начало от устно-поэтического творчества, традиционные героические элементы эпического повествования претерпевают изменения, порожденные условиями феодального общества и его идеологии. Герой вбирает в себя новые черты средневекового воина, борца за государственные интересы, для которого важно проявить доблесть и храбрость, верность и преданность своему государю. К таким произведениям монгольской литературы раннего периода в первую очередь можно отнести «Повесть о двух скакунах Чингиса», «Магтал Сунидского Гилугэдэя багатура», «Легенду о разгроме трех сотен тайчиудов», «Легенду об Аргасунхурчи», «Повесть о мудрой беседе мальчика-сироты с девятью орлюками Чингиса», «Золотоордынскую рукопись на бересте», «Поучение Чингиса» и многое другое.

Неоценимый вклад в развитие литературного процесса, а также в формирование новых представлений в теории литературы в XIII–XX вв. внесла переводная литература. Огромную роль сыграл буддизм, который стал государственной религией начиная с Юаньской династии – времени правления монголов в Китае. Распространение начинает получать религиозная литература, в основном переводная с тибетского и санскрита. Для нее характерны шастры и сутры, в которых даются сведения о космологии, классификации божеств, сказания о Будде, разъяснения буддийского этико-морального учения о поступках людей и их последствиях, учения о десяти добродетелях и десяти грехах, учение о просветлении. Пагба-лама³ в своих эпистолярных произведениях, гимнах и одах, написанных на основе теории поэзии и правил стихосложения, изложенных в «Кавьядарше» («Зеркало поэзии») Дандина и «Чандоратна-Кара» («Просодия, так называемое Место возникновения драгоценности») Раднакарашанти, разъяснил в художественной форме сущность двух принципов государственного управле-

³ *Пагба-лама Лодойджалцан* (1235–1280) – тибетский лама из монастыря Сакия, один из пяти знаменитых сакийских настоятелей. В Монгольскую империю был приглашен в 1254 г. Хубилай-ханом и, получив от него яшмовую печать, был назначен государственным учителем в 1260 г. По указу Мункэ-хана с 1258 г. переводил буддийские сутры на монгольский язык. Титулом «царь учения в трех странах, императорский наследник» награжден в 1276 г. Под «тремя странами» имеются ввиду три области Тибета – Уй, Цзан, Кхам, где Пагба-лама был назначен Хубилай-ханом духовным главой. В своем труде «Разъяснение предмета познания» (1278) Пагба-лама мировую историю представил в виде истории трех наиболее могущественных буддийских монархий – Индии, Тибета и Монголии; им впервые была заложена схема трех буддийских монархий. Пагба-лама возвел монгольских хаганов в ранг «вращающих колесо [учения]» (т.е. Чакравартинов – санскритское слово, означающее «обладатель символа власти») наравне с древнеиндийскими и тибетскими царями.

ния – союза светской и духовной власти и святости верховного правления монгольских ханов.

Впоследствии, особенно с XVII в., тибетское влияние становится господствующим. Буддийская литература имела в основном хождение на тибетском языке и отчасти в переводе на классический монгольский письменный язык (сейчас – старомонгольский). Богослужебная, этико-дидактическая, агиографическая, историческая, поэтологическая, отчасти нарративная литература – была единой для всего буддийского мира Центральной и Восточной Азии, Тибета и Индии. Общими были такие крупные памятники письменности, как «Бодхичарья-аватара» Шантидевы, «Субхашита-ратна-нидхи» Сакья-пандиты, «Панчатантра», «Жизнь Викрамы», «Двадцать пять рассказов Веталы», «Семьдесят рассказов попугая», «Рамаяна», «Гэсэриада», «Джангариада», «Сокровенное сказание монголов». Эти произведения переписывались монгольскими книжниками по многу раз, и, что очень важно, творчески перерабатывались, адаптировались к условиям своей среды. Поэтому многие сюжеты, образы, персонажи вошли в фольклор монгольских народов и в художественную литературу, приобретая новое содержание и формы.

Примечательно то, что в Монголии и Бурятии сохранились на тибетском языке труды индийских авторов, потерянные в самой Индии; они активно изучались на разных факультетах буддийских институтов. Об этом в «Осведомительном бюллетене» Комиссии экспедиционных исследований АН СССР № 7(68) от 25 марта 1929 г. говорится следующее: «...библиотеки, печатни и, главное, школы дацанов (Бурятия. – Е. Б.) дают неоценимый материал, ибо без них совершенно была бы утрачена для науки большая и, может быть, наиболее примечательная часть индийской культуры – то есть культуры, так или иначе связанной с буддизмом. Достигнув своего высочайшего развития в Индии в период с V по VIII век н.э., буддийская культура должна была уступить свое первенствующее значение в Индии обновленной брахманской культуре; с этого времени она начинает “эмигрировать” на Дальний Восток и затем в Центральную Азию. Все наиболее значительные произведения огромной научной литературы буддийских авторов были переведены на тибетский язык и с удивительной точностью, даже все собственные имена были переведены буквально. Индийская буддийская культура была всецело пересажена на север, в Тибет, а оттуда в Монголию, Бурятию и Западный Китай, где в течение очень короткого времени приобрела еще большее значение, чем в годы расцвета на родине, в Индии. За короткий сравнительно промежуток времени <...> появились замечательные ученые и знатоки литературы, поддерживающие связь с Индией, и была основана тибетская школа буддизма с крепкой, непрерывной традицией. Все это привело к тому, что в наше время (речь идет о 20–30-х гг. XX в. – Е. Б.) в Тибете, Монголии, Западном

Китае и у нас в Бурятии мы имеем почти полное воспроизведение индийской научной жизни VII и VIII веков с замечательными научными состязаниями, спорами и т.д. И оттого и для лиц, занимающихся индийской культурой, не говоря уже о специалистах тибетологах и монголистах дацаны Бурятии, Монголии и т.д. представляют исключительное поле для работ, которых до сих пор проделано было очень мало» [5, с. 108–109].

Из среды монгольских ученых лам вышло немало поэтов и писателей, которые были не только знакомы с лучшими образцами индийской и тибетской литератур, с принципами их поэтики, но и сами писали, помимо литературных произведений, комментарии, носившие научный характер, к индийским философским работам, занимались разработкой теории литературы и в основном на тибетском языке. Это были, например, комментарии к древнеиндийским трактатам по теории поэзии, в частности к «Кавьядарше» («Зеркало поэзии») Дандина⁴ и тибетскому «дебжеру» (*sdebsbyor*), которые способствовали развитию теории и практики монгольской поэзии.

Изучение «Кавьядарши» Дандина в Монголии. Зарождение монгольской поэтики

«Трактат “Кавьядарша”, – пишет П. А. Гринцер, – написан стихами (главным образом в эпическом размере *шлока*) и принадлежит к ранней санскритской поэтологической школе – школе аланкариков. Большую его часть занимают описание, классификация и иллюстрация примерами (сочиненными, как правило, самим Дандином) тридцати девяти поэтических фигур – *аланкар* (“украшений”) во всех их разновидностях. Вместе с тем Дандин достаточно подробно останавливается на таких вопросах, как определение поэзии, ее роды и виды, стили (*марга*), достоинства (*гуна*) и недостатки (*доша*), с позиций своего времени касается проблем эстетической эмоции (*раса*) и скрытого смысла поэзии (дхвани). Таким образом, “Кавьядарша”, по существу, охватывает почти всю традиционную топику санскритской поэтики. И не случайно, что на нее так или иначе опиралось, развивая, уточняя, дополняя или же опровергая ее положения, большинство последующих санскритских теоретиков

⁴ Дандин – один из самых известных литераторов в истории санскритской литературы. Однако о его жизни и творческом наследии нет достоверных данных. Помимо поэтики «Кавьядарши» он считается автором двух романов: «Приключения десяти принцев» – своего рода индийского «Декамерона», «Сказание об Авантисундари», а также стихов в средневековых антологиях. Индийская традиция причисляет Дандина к числу своих «великих поэтов» (*mahakavi*). Законодатель индийского Парнаса Анандавардана отмечает, что великих поэтов имеется всего лишь «два, три» или, самое большее, «пять, шесть». Во всяком случае, принадлежность Дандина к этой группе в Индии общепризнана.

поэзии, да и до сих пор в Индии трактат Дандина почитается образцовым» [2, с. 111–112].

Научный перевод «Кавьядарши» (VII в.) индийского писателя и теоретика литературы Дандина был осуществлен Гэлэгжамцом (XVIII в.) и включен в «Данджур» («Перевод шастр»)⁵ – комментарий к энциклопедии буддизма «Ганджур» («Перевод повелений, или Слово Будды»). С этого времени монгольские ученые и поэты начали серьезно изучать, переводить и разрабатывать на его основе свою поэтическую теорию и следовать его принципам при создании поэтических произведений. Таким образом, было положено начало монгольскому литературоведению и солидному пласту литературы по поэтике и теории поэзии, свидетельствующим о развитии эстетических воззрений монголов, о претворении в литературном творчестве национальных понятий о прекрасном и возвышенном.

Литературовед Д. Цэрэнсодном отмечает, что еще в XIV в. Чойджи-Одсэр при сочинении своих поэтических произведений опирался на такие понятия, описанные в «Кавьядарше» Дандина, как «тело» поэзии, «смысловые украшения», «звуковые украшения» [7]. Во всяком случае, следы влияния Дандина на поэтическое творчество Чойджи-Одсэра обнаруживаются в стихотворении «Восхваление Махакали». Историк Ш. Бира утверждает, что «Кавьядарша» стала известна монгольским народам еще в Юаньский период, и комментарии к ней начали появляться начиная с XIII в. и вплоть до начала XX столетия [8, с. 154].

Научный интерес к поэтике Дандина, принципы которой были изложены в «Кавьядарше», и ее популярность относятся к XVII в. Это связано с распространением буддизма в Монголии и Бурятии.

⁵ «Данджур» – комментарий к «Ганджуру» (108 т.) в 225 томах, в котором собраны основные канонические труды индийских ученых-буддистов различных школ. Перевод «Данджура» с тибетского языка на монгольский особым указом императора Цяньлуна (годы правления – 1736–1795) был поручен двум ученым – Чанкье Ролпэ-Дорже Еше Тэнпэ-Донмэ Пэлсанпо, который по счету, принятому в научной литературе, именуется Вторым Чанкья-хутухтой (1717–1786), и Тичен-тулку Лобсан Тэнпи-Нима. Они, чтобы облегчить перевод «Данджура», предварительно составили большой терминологический тибетско-монгольский словарь «Даг-йиг Хэйпи Чжуннэ» – «Мэргэдгаркуорон» («Источник мудрецов») в течение 1741–1742 гг. Издание этого словаря вызвало всеобщее одобрение ученых лам в Тибете и в Амдоских монастырях, и его авторы получили почетные титулы и благодарности от императора Цянь-луна и от Седьмого Далай-ламы Лобсана Галсана Гьяцо (1708–1758) (см. об этом: [6, с. 12–25]). Надо отметить, что монгольский язык, с династии Юань (1279–1368) и при последующих династиях Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) имел немалое значение в Китайской империи; на нем издавались законы, велось делопроизводство, выпускалась литература буддийского направления. Великий император Цяньлун был высокообразованным человеком, покровительствовал наукам, кроме родного китайского знал монгольский, маньчжурский и тибетский языки. При нем было издано много крупных словарей, например «Пятиязычный словарь» (маньчжурско-тибетско-монгольско-уйгуро-китайский) и др.

Начиная с XVIII в. монгольские и бурятские ученые стали писать художественно-комментаторские тексты к «Кавьядарше» с целью создать свою теорию поэзии и показать ее практическое применение. Освещать и комментировать теоретические проблемы, выдвинутые в «Кавьядарше», стало традицией. Почти каждый монголоязычный ученый и поэт считал своим долгом следовать этой традиции, с которой и началась многовековая комментаторская работа.

Так, Агвантувдэн написал «Комментарий к “Кавьядарше”» («Зохист аялгууны толь хэмээх номын тайлбари»), Лупсанпрэнлэй – «Образцы для тридцати пяти видов смыслового украшения» («Утгын гушан табан чимигийн үлгэр»), Лувсанцултэм – «О сущности звукового украшения» («Дууны чимэгийн тийн өгүүлэл») и «О сущности смыслового украшения» («Утгын чимэгийн тийн өгүүлэл»), Ишбалжир – «Ключ к поэзии», или «Краткий свод о поэзии» («Яруу найрагт орохын хаалга, яруу найрагийн өчүүхэн хураангуй одон эрхсэл»), Жамьянгарав (2-я половина XIX – начало XX в.) – «Мелодия гения Эсервы, поясняющая смысловые украшения» («Нийт утгыг тайлбарласан Эсерваагийн эгшиг дуун»), Ринчен Номтоев (конец XIX – начало XX в.) – Тибетско-монгольский словарь («Төвд-Монгол толь») и многие другие произведения.

Бурятский ученый и поэт Ринчен Номтоев в своем двухтомном словаре обстоятельно интерпретировал, приводя оригинальные поэтические примеры, суть терминов и понятий, вошедших в «Кавьядаршу» Дандина (см. об этом: [9, с. 24 и далее]. Труды монгольских и бурятских ученых и поэтов не были простым подражанием сочинениям индийских и тибетских теоретиков. Они творчески перерабатывали их, стремясь внести свой вклад в разработку теоретических основ поэзии, т.е., по существу, создавали оригинальные произведения. «Нельзя, конечно, – отмечал С. Лувсанвандан, – не обратить внимание на строгость канонов смыслового и звукового украшения в “орнаментальной поэзии” и “обрамленной прозе” и в то же время на истолкование формы и техники стихосложения и его результатов в художественной практике. Вне теории “дхвани”, поэтики аланкары и принципов “Кавьядарши” трудно решить эстетико-художественные проблемы тибетоязычной монгольской поэзии и поэтического перевода с восточных языков» [10, с. 26].

Действительно велика роль и значение для развития монгольской поэтики индо-тибето-монгольских литературных связей, особенно древнеиндийских трактатов по теории поэзии. Определение поэзии, которое дал Бхамаха в трактате «Поэтические украшения» («Кавьяланкара») как «слову в его звуковом и смысловом единстве», оставалось незыблемым.

Индийская (санскритская) и тибетская поэтические традиции, сформированные в трех поэтологических школах в течение нескольких столетий, проникли в Центральную Азию, в Монголию. В частности,

широко была воспринята поэтическая традиция, связанная с гимнической поэзией, воспевающей будд и бодхисаттв⁶, их учение, мифических божеств, хранителей местности, смешавшись с исконно монгольской поэзией. На основе поэтологических концепций аланкара, дхвани и раса, а также с использованием принципов «Кавьядарши» монгольскими авторами написано много произведений, в частности «Белые жемчужные четки» Агванцэрэна, «Слово и смысл ясны» Хайдава. По образцу драматической поэмы индийского поэта Калидасы «Облаковестник» написан цикл стихотворений под названием «Изящные слова песни кукушки» Шижээ. Ринчен Номтоев в своих поэмах активно использовал, творчески перерабатывая, теорию «орнаментальной поэзии» Дандина.

Использование санскритской поэтической системы в монгольской литературе

Одним из ключевых монгольских поэтических жанров является жанр восхваления (*магтала*). На примере этого жанра постараемся проследить, как использовались на практике основные поэтологические принципы, выработанные Дандином в трактате «Кавьядарша». Для ранней ступени панегирической поэзии характерно восхваление и поклонение силам природы, хозяевам местностей, пантеону шаманских божеств, а также восхищение силой и мудростью людей, отличившихся в своем деле, воспевание величавых гор, могучих рек, широких степных просторов, быстроногих скакунов, т.е. всего, что воплощало дороге сердцу образы родины. «Мы не должны упускать из виду тот факт, – пишет Д. Цэрэнсодном, – что в тех магталах, появившихся под влиянием шаманизма, содержится не только идея поклонения силам природы, но и представления о Родине, патриотические мысли» [11, с. 11].

С распространением буддизма тематика магталов, их религиозно-идейная направленность меняются. Собственно монгольская поэтическая традиция, смешавшись с индийской и тибетской, расширяется и обогащается. В рамках буддийского канона составлялись поэтические хвалебные гимны божествам, которые входили в ритуально-жанро-

⁶ Будда происходит от слова *buddha*, т.е. «просветленный» или «пробудившийся» от сна сансарического существования к истинному знанию и реальности благодаря своему йогическому опыту. Под бодхисаттвой (бодхи (*bodhi*) – просветление, саттва (*sat-tva*) – существо) обычно понимается святое просветленное существо, или же идеальная личность, обладающая двумя качествами: 1) великой любовью и великим состраданием (бодхичиттой) для спасения всех шести живых существ (люди, боги-небожители, полубоги, обитатели ада, голодные духи, животные), обитающих в сансарическом круговороте рождений и смертей; 2) мудростью, которая выражается в способности видеть реальность такой, какой она является в действительности.

вый ряд – *стотра-гана, додцог, магтаалын* чуулган, – и соответственно писались на тибетском и монгольском языках. Одним из первых монгольских произведений, написанных с использованием поэтических принципов Дандина, является «Восхваление Махакали» Чойджи-Одсэра – «образец жанра одической поэзии, сложившегося в монгольской литературе XIV века» [12, с. 61]. В этом произведении также используются художественно-изобразительные средства из богатого арсенала монгольского героического эпоса. Д. Цэрэнсодном, разбирая поэтический материал Турфанской коллекции, пишет: «Поэт, создающий величавый образ Махакали, восхваляющий ее мощь и неукротимую силу, умело использует прием гиперболы из монгольского эпоса, следуя при этом принципам древнеиндийской поэтики. С другой стороны, ода Махакали – это такое произведение, в котором наиболее ярко обнаруживаются традиционные и новаторские черты поэзии того времени» [7, с. 78].

В общем корпусе гимнической поэзии значительное место занимают гимны дацанам. В них используются принципы тридцати пяти «украшений» из «Поэтики» Дандина, а также традиции буддийской символики. В частности, это – «семь драгоценностей ханской власти»: колесо, чинтамани, ханиса, министр, слон, конь, генерал; «восемь счастливых подношений»: большой драгоценный зонт, золотая рыбка, белая раковина учения с завитком вправо, нить счастья, драгоценный кувшин, прекрасный лотос, золотое колесо; «четыре могущественных»: тигр, лев, гаруда, дракон; «пять свойств» стремления / желания: образ, звук, запах, вкус, осязание – ощущаемые «пятью органами»: глазами, ушами, носом, языком и телом.

В монгольской гимнической поэзии XVII–XIX вв., кроме индийской и тибетской традиции восхвалений, проявляются и исконно национальные художественные методы, образы народного быта, своеобразие мышления монголов. Вместе с тем наблюдается тенденция развития от религиозного к светскому, от мифического к реальному, от канонических принципов религиозной поэзии к лирической. Так называемые «стихи пяти подношений», появившиеся в связи с религиозным обрядом обращения к Будде, наставнику, крупным деятелям государственной власти и религии, со временем трансформировались в восхваление пяти чувств (стремлений, желаний) лирического характера. Произведения этого жанра отклонились от идейной направленности, оторвались от образной системы буддийской символики и, позаимствовав только общий метод изображения, развились в прекрасные образцы национальной поэзии.

В стихах раскрывается внутренний мир человека, воспевается красота женщины, природы, размеренная жизнь родного кочевья, которая не отличается от райских садов страны небожителей. Особенность стихов

этого жанра в том, что изображается не страна богов из золота и серебра, а красота природы земного мира, не чувства прекрасных дакинй небесной страны, а красота чувств земной женщины и т.д.

В первых строфах стихов этого жанра обычно восхваляется красота обрядов, видимых *глазу*. Отличие монгольских стихов от индо-тибетских канонических в том, что через изображение красоты обрядов, природы показывается внутренний мир человека, раскрываются его душевные качества и богатый мир чувств. В религиозных стихах подношений для символики образов, видимых глазу, используются, как правило, метафоры прозрачного зеркала и блестящего берилла, а в монгольских появляются радуга и цветы.

В следующих строфах изображается красота *звука*, доступного слуху. В классических стихах подношений красота символизируется звуком музыкальных инструментов, в частности многострунной лютней. А в монгольских говорится, что подобно тому, как кукование кукушки трогает душу человека, так усладой для слуха служит весточка от любимого друга.

Далее повествуется об *аромате*. Нежный характер любимой / любимого, способный пробудить, оживить душу, ставится выше красоты аромата, способного рассеять усталость и расслабить тело. Традиционные общие представления философии Абхидхармы⁷ об «аромате, присущем от рождения», понятие «исполненный шести ароматов», которые стали символом аромата в стихах подношений, претерпевают изменения. Использование в качестве символа аромата обыкновенного сандалового дерева, а не искусственно составленных благовоний тоже можно рассматривать как ломку сложившейся классической символики.

Вкус характеризуется как «исполненный восьми составляющих», «полносоставный из ста вкусов», эта символика, основывающаяся на теории Абхидхармы, претерпевает на монгольской почве изменения в сторону традиционных образов монгольского быта.

В религиозных стихах подношений, согласно канону, в качестве высшего символа *осязания* выступают «легкие, тонкие, мягкие небесные одеяния». Посредством художественных ассоциаций монгольский поэт показывает, что духовная сущность любимой нежнее самого нежного шелка.

⁷ Буддийское учение делится на «Три корзины» (Трипитака) – собрание учений Будды Шакьямуни, разделяемое на три раздела, которые первоначально записывались на пальмовых листьях и хранились в специальных корзинах, что объясняет этимологию термина. Второй из этих разделов называется Абхидхарма (*Abhidharma*), т.е. философия, развивающая мудрость. В монгольских монастырях при получении базового философского образования на факультете Цаннид в числе пяти философских дисциплин изучается Абхидхарма – философская психология.

Заключение

Итак, можно отметить, что в сфере художественной литературы буддийского направления развился жанр гимнической поэзии, в котором что-либо восхваляется с точки зрения концепции пяти чувств, основанной на теории Абхидхармы. Религиозная идейная направленность «поэзии пяти подношений», образная система, носящая символический характер, общий художественный метод восхваления с точки зрения пяти чувств – все это трансформируется и демократизируется на монгольской почве. Восхваляются простота быта, красота земной жизни, верные друзья и любовь, а не религиозное стремление к перерождению в последующей жизни в прекрасной стране небожителей. В этом заключается творческий синтез поэтических традиций Индии и Тибета с исконно монгольской поэзией, активно использующей на практике теоретические разработки санскритской поэтики, в частности «Кавьядарши» Дандина.

Отметим, что в поэтике этого периода наличествуют две тенденции: первичный творческий акт и его воспроизведение. Именно в этот период развития монгольской литературы постепенно происходит переход от синкретизма к усилению индивидуального начала в поэтическом сознании, от мифологического сакрального – к художественной реальности, к понятийному различению, к рефлексии. Дифференциация родов и жанров, появление понятия «автор», возникновение богатых художественно-изобразительных средств, наррации – все это проявления утвердившегося принципа средневековой монгольской поэтики, постепенно зажившего о своих правах.

Литература

1. Конрад Н. И. *Запад и Восток*. М.: Наука; 1972.
2. Гринцер П. А. (ред.) *Восточная поэтика. Тексты. Исследования. Комментарии*. М.: Восточная литература; 1996.
3. Аверинцев С. С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. М.: Наука; 1997.
4. Далай Ч. *Монголия в XIII–XIV вв.* М.: Наука; 1983.
5. Васильков Я. В. Отчеты Ф. И. Щербатского о работе его учеников в Бурятии и Монголии в 1928 году. В: *ORIENT. Альманах. Исследователи Центральной Азии в судьбах России*. Вып. 2–3. СПб.: Утпала; 1998. С. 106–112.
6. Дандарон Б. Д., Семичов Б. В. О тибетско-монгольском словаре «Источник мудрецов». В: Дандарон Б. Д. *Избранные статьи; Черная тетрадь. Материалы к биографии. История Кукунора Сумпа Кенпо*. СПб.: Евразия; 2006. С. 2–71.
7. Цэрэнсодном Д. Жанры монгольской поэзии XIV в. (на материалах Турфанской коллекции). В: Неклюдов С. Ю. (ред.) *Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. Современность и классическое наследие*. М.: Наука; 1985. С. 76–91.

8. Бира Ш. «Кавьядарша» Дандина в Монголии. В: Яцковская К. Н. (ред.) *Монгольская литература: очерки по истории XIII – I пол. XX в.* М.: ИВ РАН; 1997. С. 152–161.

9. Бадараев Б. Д. Структура теории поэзии в сочинении «Кавьядарша» Дандина. В: Чимитдоржиев Ш. Б. (ред.) *Культура Монголии в Средние века и Новое время.* Улан-Удэ: БФ СО АН СССР; 1986. С. 59–76.

10. Лувсанвандан С. *Теоретические проблемы истории монгольской литературы.* Новосибирск: Наука; 1982.

11. Цэрэнсодном Д. *Монгол уран зохиол (XIII–XX зууны эхэн).* Улаанбаатар; 1987. (На монг. яз.).

12. Цэрэнсодном Д. Переводная литература XIII–XIV вв. В: Яцковская К. Н. (ред.) *Монгольская литература: очерки по истории XIII – I пол. XX в.* М.: ИВ РАН; 1997. С. 45–61.

References

1. Konrad N. I. *West and East.* Moscow: Nauka; 1972. (In Russ.)
2. Grintser P. A. (ed.) *Poetics of the Eastern literatures. Texts. Research. Comments.* Moscow: Vostochnaya literatura; 1996. (In Russ.)
3. Averintsev S. S. *Poetics of the Early Byzantine Literature.* Moscow: Nauka; 1997. (In Russ.)
4. Dalai Ch. *Mongolia in 13th–14th cent.* Moscow: Nauka; 1983. (In Russ.)
5. Vasilkov Ya. V. Reports by Th.I. Scherbatskoy regarding the field work of his pupils in Buryatia and Mongolia in 1928. In: *ORIENT. Collected works. The researchers of Central Asia and their place in the Russian cultural context.* Iss. 2–3. St Petersburg: Utpala; 1998, pp. 106–112. (In Russ.)
6. Dandaron B. D., Semichov B. V. The Tibetan-Mongolian Dictionary “Source for Wise Men”. In: Dandaron B. D. *Selected articles. A black note-book. Materials for the biography. The story of Kukurunor Sumpa Kenpo.* St Petersburg: Evraziya; 2006, pp. 2–71. (In Russ.)
7. Tserensodnom D. Genres of Mongolian poetry of the 14th century (based on materials from the Turpan collection). In: Neklyudov S. Yu. (ed.) *The specifics of genres in the literatures of Central and East Asia. Modernity and classic heritage.* Moscow: Nauka; 1985, pp. 76–91. (In Russ.)
8. Bira Sh. The “Kavyadarsha” by Dandin in Mongolia. In: Yatskovskaya K. N. (ed.) *Mongolian literature. Essays on its history 13th cent. – 1st half of the 20th cent.* Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 1997, pp. 152–161. (In Russ.)
9. Badaraev B. D. Structure of poetical theory in “Kavyadarsha” by Dandin. In: Chimitdorzhiev Sh. B. (ed.) *Mongolia and its culture in the Middle Ages and early Modern time.* Ulan-Ude: Buryat branch of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences; 1986, pp. 59–76. (In Russ.)
10. Luvsanvandan S. *History of Mongolian literature. Problems of theory.* Novosibirsk: Nauka; 1982. (In Russ.)

11. Tserensodnom D. *Mongol uran zokhiol (XIII–XX зууны екhen)*. Ulaanbaatar; 1987. (In Mongolian).

12. Tserensodnom D. Translated Literature from the 13th-14th cent. In: Yatskovskaya K. N. (ed.) *Mongolian literature. Essays on its history 13th cent. – 1st half of the 20th cent.* Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 1997, pp. 45–61. (In Russ.)

Информация об авторе

Балданмаксарова Елизавета Ешиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Elizaveta E. Baldanmaksarova, PhD habil (Philol), Leading research fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26 июня 2019 г.
Одобрена рецензентами: 24 июля 2019 г.
Принята к публикации: 6 августа 2019 г.

Article info

Received: June 26, 2019
Reviewed: July 24, 2019
Accepted: August 6, 2019